

ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД - НКГБ - ГУКР «СМЕРШ». 1939 - март 1946. М:2006, сс. 33-50.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦ. РЕСПУБЛИК - КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА:

БЕРИЯ Л.П.

От арестованного ФРИНОВСКОГО М.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Следствием мне предъявлено обвинение в антисоветской заговорщической работе. Долго боролась во мне мысль необходимости сознаться в своей преступной деятельности в период, когда я был на свободе, но жалкое состояние труса взяло верх. Имея возможность обо всем честно рассказать Вам и руководителям партии, членом которой я недостойно был последние годы, обманывая партию, — я этого не сделал. Только после ареста, после предъявления обвинения и беседы лично с Вами я стал на путь раскаяния и обещаю рассказать следствию всю правду до конца, как о своей преступно-вражеской работе, так и о лицах, являющихся соучастниками и руководителями этой преступной вражеской работы.

Стал я преступником из-за слепого доверия авторитетам своих руководителей ЯГОДЫ, ЕВДОКИМОВА и ЕЖОВА, а став преступником, я вместе с ними творил гнусное контрреволюционное дело против партии.

В 1928 году, вскоре после моего назначения командиром и военкомом Дивизии Особого назначения при Коллегии ОГПУ, на состоявшейся районной партийной конференции я был избран в состав пленума, а пленумом в состав бюро партийной организации Сокольнического района.

Еще на конференции я установил контакт с бывшим работником ОГПУ (в 1937 г. покончил самоубийством в связи с арестом ЯГОДЫ) — ПОГРЕ-БИНСКИМ, который информировал меня о наличии групповой борьбы среди членов райкома. В последующем я примкнул в составе бюро к большинству, оказавшемуся правыми, и вел работу совместно с этой группой членов бюро до ее разоблачения в районной партийной организации.

На следующей партийной конференции в 1929 г. это большинство бюро, в том числе и я, и другие работники ОГПУ: МИРОНОВ, ЛИЗЕРСОН, ПОГРЕ-БИНСКИЙ, были до конца разоблачены. Я и МИРОНОВ выступали с покаянными речами на конференции, однако не порвали полностью с правой группой в районе.

После конференции в ОГПУ состоялось совещание руководящего состава в связи с указанием ЦК, осуждавшим втягивание партийной организации ОГПУ в групповую борьбу в Сокольническом райкоме.

После районной партийной конференции я заколебался и решил стать на правильный партийный путь, порвать с этой группой. Однако вскоре после этого я был вызван ЯГОДОЙ для служебного доклада по делам дивизии. После доклада ЯГОДА перешел со мной на разговор о делах партийной организации. Он начал всячески ругать меня, говоря: «Как вы, командир и военком, трусились, начали на конференции каяться, как вам можно доверять после этого дивизию?» И тут же он сказал: «Имейте в виду, что за вами были еще кое-какие грехи». Я недоуменно спросил — какие? ЯГОДА ответил: «У

вас были попытки дискредитировать РЫКОВА». Я говорю, «когда это было?» Давно, документы о попытке дискредитации РЫКОВА находятся в моих руках, вы имейте это в виду». Когда я спросил ЯГОДУ — в чем же дело, он расска / 35 / зал, как в 1920 г. в Харькове, во время приезда РЫКОВА с группой работников, в том особняке, где он проживал, мною был произведен обыск. Тут же ЯГОДА мне сказал: «Вы имейте в виду, РЫКОВ возьмет свое». И добавил: «Постарайтесь в политических делах полностью ориентироваться на меня и почаще советоваться, в частности с ПОГРЕБИНСКИМ. А по политической работе в дивизии вы советуйтесь с МИРОНОВЫМ; он человек политически грамотный и укажет, как вести это дело».

В том же 1929 году в Москву приехал ЕВДОКИМОВ в связи с намечаемым переводом его в качестве начальника СОУ ОГПУ. Я был у него в номере гостиницы «Селект». Вначале ЕВДОКИМОВ расспрашивал меня, как идут дела в Москве, потом сообщил, что он переводится в Москву и что ЦК предлагает ему наладить оперативную работу ОГПУ.

В этой же беседе я поделился с ЕВДОКИМОВЫМ и сообщил, что попал в правые на практике.

В это время уже имели место осложнения в деревне в связи с коллективизацией сельского хозяйства. Я спросил ЕВДОКИМОВА — как у вас на Северном Кавказе идут дела? Он говорит: «Дела сложны, колхозы в казачьих и национальных районах прививаются туго, сопротивление идет большое», и он выразился так: «Черт его знает, выйдет ли из этого дела что-нибудь?»

За время нахождения ЕВДОКИМОВА в Москве, а потом уже после его переезда в Москву у меня с ним было несколько встреч. В процессе этих встреч ЕВДОКИМОВ говорил, что ЦК допускает много безобразий в деревне и «черт его знает, к чему все это приведет».

В 1930 году, после решительного наступления партии и правительства на кулачество, в результате допущенных на местах перегибов начались восстания, и особо сложные формы эти восстания приняли в национальных областях Северного Кавказа, в частности в Дагестане. Меня вызвали в Коллегию ОГПУ и направили в Дагестан. Поговорить с ЕВДОКИМОВЫМ перед отъездом мне не удалось.

Следующая встреча с ЕВДОКИМОВЫМ у меня состоялась уже во время приезда в Закавказье в 1930 году, когда он объезжал районы, в которых проводились операции по борьбе с повстанчеством.

После официальных разговоров я имел с ЕВДОКИМОВЫМ интимную беседу, во время которой он мне говорил, что вооруженным путем, как думает ЦК, колхозов не создашь. Вот, говорит он, в Дагестане население говорит, что колхозам капут, и это не только в национальных областях, что обстановка очень сложна и в центральной России. Может так получиться, говорил ЕВДОКИМОВ, что кулака-то мы разорим и физически уничтожим, а осложнений у нас в стране может быть много и хозяйства в деревне партия не создаст.

На этом разговор с ним и кончился. Пробыв несколько дней, ЕВДОКИМОВ уехал.

Последующая встреча с ЕВДОКИМОВЫМ у меня была в 1930 году перед отъездом на работу в Азербайджан. Встретились мы в кабинете у ЕВДОКИМОВА. Я спрашивал его указаний. Наряду с оперативно-служебными указаниями он заявил мне, что в успех начавшейся операции по ликвидации кулачества как класса он — ЕВДОКИМОВ, хотя на него и возложено проведение этой операции по СССР, — не верит. В целесообразность проводимой по решению Центрального Комитета операции он также не верит, считая, что это может привести к обнищанию деревни и деградации сельского хозяйства.

За это время в Азербайджане я никакой антисоветской работы не вел

/36/

В 1933 году, вскоре после назначения меня начальником ГУПВО ОГПУ и приезда в Москву, я встретился с ЕВДОКИМОВЫМ у него на квартире. Он приехал из Ростова.

ЕВДОКИМОВ повел со мной разговор о том, что обстановка в стране, несмотря на, казалось бы, некоторое улучшение положения в деревне с промтоварами и с продовольствием в городах, — все же чрезвычайно сложная. И вот тут же ЕВДОКИМОВ начал со мной откровенный разговор. Он спросил: «Как у тебя, правые настроения, которые у тебя были, — изжились или нет?» Я говорю: «Черт его знает, изжились или нет, не знаю, а что?» «Видишь ли, рано или поздно правым удастся доказать Центральному Комитету неправоту линии Центрального Комитета и правильность линии правых». Я попытался возразить, заявив, что положение колхозов становится прочным. Он ответил: «Подожди, колхозы-то начали существовать, но это только начало, а что будет дальше — неизвестно. Кадры правых — большие, правыми ведется большая подпольная работа и по вербовке кадров, и по созданию недовольства против правительства и Центрального Комитета».

Дальше ЕВДОКИМОВ спросил: «Ты ГУПВО принял или нет?» После моего утвердительного ответа он сказал: «Тебе надо было бы заинтересоваться как следует вопросами войск. Войска будут играть большую роль в случае каких-либо осложнений внутри страны, и ты должен прибрать войска к своим рукам».

Зная, что моими заместителями по ГУПВО являются КРУЧИНКИН, ЛЕПИН и РОШАЛЬ, ЕВДОКИМОВ, коснувшись их, заявил: «КРУЧИНКИН, видимо, ягодинский человек, но это ничего. ЯГОДА сам войсками занимается, но и это не страшно». Тут же ЕВДОКИМОВ сообщил мне о том, что сам ЯГОДА также является правым, рекомендовал: «Все же в отношениях с ЯГОДОЙ далеко не заходи и полностью ему и, в особенности, его окружению не доверяйся, так как эти люди способны на преступления, на этих преступлениях провалятся и могут выдать тебя, а КРУЧИНКИНА приберут к рукам». И тут же ЕВДОКИМОВ рассказал о том, что КРУЧИНКИН, будучи в командировке в Средней Азии, в бытность там ЕВДОКИМОВА, при проведении операций, из-за своей трусости операцию провалил. Я поставил вопрос перед ЯГОДОЙ, говорил ЕВДОКИМОВ, об отдаче КРУЧИНКИНА под суд, но что-то молчат. Осторожно нужно его к себе потянуть, но начинай также заводить и свои кадры в войсках ОГПУ.

Я спросил, что нужно конкретно делать по войскам? Во-первых, говорил ЕВДОКИМОВ, займем своих совершенно надежных людей и так приберут их к рукам, чтобы в случае осложнений они выполняли твою волю.

В том же 1933 году ЯГОДА, после моей с ним стычки по служебному вопросу, начал вновь приближать меня к себе при помощи БУЛАНОВА. БУЛАНОВ Часто зазывал меня к себе на дачу под видом рыбной ловли и игры в бильярд. В одну из таких поездок к БУЛАНОВУ, в выходной день на дачу, приехал ЯГОДА, который после обеда и выпивки имел со мной разговор в отдельной комнате.

ЯГОДА начал разговор с того, что я не прав, настраиваясь против него, и что, видимо, здесь орудует рука ЕВДОКИМОВА, и тут же сказал мне: «Имейте в виду: о том, что вы остаетесь правым, — мне известно, что вы ведете работу, я также знаю, и не лучше ли вам смириться с той обстановкой, которая существует у нас в центральном аппарате, свой гонор сбавить и слушаться меня». И тут же, продолжая разговор, ЯГОДА спросил меня: «Как идут дела в ГУПВО, у вас там много замов, не лучше ли было бы освободиться кое от кого. Как вы думаете — кого лучше оставить: КРУЧИНКИНА или ЛЕПИНА?»

/37/

Не дожидаясь моего ответа, ЯГОДА сказал, что КРУЧИНКИН — человек надежный. Я понял, что КРУЧИНКИН связан с ним по преступной деятельности.

В отношении ЛЕПИНА ЯГОДА сказал, что тот колебался, ориентировался на АКУЛОВА и БАЛИЦКОГО, когда они работали в ОГПУ. «Может быть, его и предложить БАЛИЦКОМУ, — сказал он, — пусть поедет к нему. РОШАЛЯ надо обломать*, а на отдел боевой подготовки вам надо было бы взять КРАФТА или РЫМШАНА». После этого ЯГОДА стал приглашать поехать к нему на дачу, но из-за позднего времени я отказался. Прощаясь, ЯГОДА сказал: «Ну — мировая и полный контакт».

Во исполнение заданий, которые я получил от ЕВДОКИМОВА, и после разговора с ЯГОДОЙ я начал всячески приближать к себе КРУЧИНКИНА и вскоре повел с ним открытый разговор. Я спросил КРУЧИНКИНА — какую работу он ведет по заданиям ЯГОДЫ в войсках. Сначала КРУЧИНКИН сделал недоуменный вид, а после начал говорить, что особых заданий он не получает, главным образом, ведет работу по части подбора людей и их воспитанию в духе бесконечной преданности персонально ЯГОДЕ.

О проделанной им работе и ряде людей, которые им были завербованы и вели работу внутри войск ОГПУ, КРУЧИНКИН мне окончательно рассказал по своем возвращении его из Синьцзяна в 1934 году.

Развернув полную картину своей антисоветской работы, КРУЧИНКИН назвал мне следующих людей: КРАФТА, РЫМШАНА, который в это время был уже из ГУПВО откомандирован в РККА, РОТЕРМЕЛЯ, ЛЕПСИСА, ЗАРИНА, БАРКОВА, КОНДРАТЬЕВА, командующего в это время дивизией особого назначения, причем оговорил, что с КОНДРАТЬЕВЫМ прямую связь имеют ЯГОДА и БУЛАНОВ и что у КОНДРАТЬЕВА *имеются свои люди в дивизии*.

ЛЕПИН в это время уже работал на Украине начальником УПВО, причем, несмотря на то что его согласился взять БАЛИЦКИЙ к себе, отношения у него с БАЛИЦКИМ сложились не совсем нормальные, а ЯГОДА ему не мог простить его ориентировки в свое время на АКУЛОВА и БАЛИЦКОГО.

В очередной свой приезд в Москву в 1934 году ЛЕПИН пожаловался мне. Я вызвал КРУЧИНКИНА, и вместе с ним мы заявили ЛЕПИНУ, что мне стало известно об участии ЛЕПИНА во вражеской работе под руководством КРУЧИНКИНА. ЛЕПИН вначале удивился, а потом, узнав о том, что я также принимаю участие в этой работе и начал уже руководить ею в погранохране, мы раскрылись друг перед другом. После этого ЛЕПИН попросил урегулировать вопрос его взаимоотношений с ЯГОДОЙ и БАЛИЦКИМ. Нам удалось это сделать прямым разговором с ЯГОДОЙ о том, что ЛЕПИН — наш человек и нельзя ставить его в такое положение, тем лаче на Украине, где в наших интересах он должен связаться и с украинскими людьми и узнать, что делается на Украине. С БАЛИЦКИМ я сам говорил, чтобы он ЛЕПИНА не обижал.

От ЛЕПИНА я узнал о том, что у него складывается такое впечатление, что на Украине также ведется работа правых внутри органов и войск ОГПУ. Я и КРУЧИНКИН дали задание ЛЕПИНУ, чтобы он связался с украинцами, не выдавая им своих связей в Москве и не говоря ничего о ЯГОДЕ, обо мне и КРУЧИНКИНЕ, влезть в среду БАЛИЦКОГО и, если они будут его вербовать, пойти на это.

Примерно в первых месяцах 1935 года ЛЕПИН в свой очередной приезд в Москву рассказал мне о том, что он связался с БАЛИЦКИМ и что БАЛИЦ- /38 / КИЙ связал его с рядом лиц из пограничной охраны, в частности с начальником политотдела УПВО — САРОЦКИМ**, начальником пограничного отряда в Одессе — КУЛЕШОМ** и зам. начальника УПВО Украины — СЕМЕНОВЫМ**.

За это же время — 1934 год — у меня с ЕВДОКИМОВЫМ было несколько встреч при его приезде в Москву. На этих встречах он постепенно открывал мне свою практическую работу и говорил о работе центра правых и по Союзу. В частности, он говорил о том, что он имеет ряд людей внутри аппарата ГПУ, и назвал РУДЯ, ДАГИНА, РАЕВА, КУРСКОГО, ДЕМЕНТЬЕВА, ГОРБАЧА и других. Говорил о том, что заимел связи по национальным областям: в Дагестане - через МАМЕДБЕКОВА, в Чечне - ГОРШЕЕВА или ГОРШЕНИ-НА, и тут же сказал, что ему трудно приходится только с КАЛМЫКОВЫМ, у которого своя собственная линия, и ЕВДОКИМОВ никак не может его обломать, но характеризовал КАЛМЫКОВА как человека полностью «нашего» — правого, но, видимо, имеющего самостоятельную линию.

Я его спрашивал, а что вообще в Союзе делается? ЕВДОКИМОВ говорил, что ведется большая работа, целый ряд людей, занимающих большое положение в ряде других областей СССР, перешли к правым. И вот здесь он заявил: «Видишь, как сейчас приходится вести борьбу с Центральным Комитетом: когда-то боролись с повстанчеством, а сейчас самим приходится искать нити, связи с повстанчеством и, чтобы его организовать, приходится идти в низовку. Это очень сложная и опасная работа, но без низовки — секретарей райкомов, председателей РИКов или людей, которые связаны с деревней, — мы возглавить повстанчество не сумеем, а это одна из основных задач, которая стоит перед нами».

ЕВДОКИМОВ расспрашивал, что я делаю по войскам. Я полностью рассказал ему обо всем, в частности и о встрече с ЯГОДОЙ, о разговоре с ним. ЕВДОКИМОВ дал мне вновь такую установку, что этой связи с ЯГОДОЙ не порывать, но до конца не идти и, главным образом, ничего не говорить ЯГОДЕ о моей связи с ним — ЕВДОКИМОВЫМ.

В одну из встреч ЕВДОКИМОВ предложил мне связаться с быв. зам. наркома в худел ПРОКОФЬЕВЫМ и прощупать его настроения. Когда я спросил — какая цель, он ответил — потом скажу.

Во исполнение задания ЕВДОКИМОВА я близко сошелся с ПРОКОФЬЕВЫМ. После я узнал, что ЕВДОКИМОВ искал связей с ПРОКОФЬЕВЫМ с целью связаться с ним самому лично, что он по существу и выполнил через меня. Первая встреча у них была на моей даче, а после этого во время своих приездов в Москву он стал заезжать к ПРОКОФЬЕВУ. Спустя некоторое время ЕВДОКИМОВ мне рассказал, что сближением с ПРОКОФЬЕВЫМ он преследовал цель проверить — не связан ли КАЛМЫКОВ с ОГПУ.

В 1934 же году, разворачивая работу в ГУПВО, мы вместе с КРУЧИНКИ-НЫМ пытались поближе связаться с быв. командиром дивизии особого назначения ОГПУ - КОНДРАТЬЕВЫМ, поскольку КОНДРАТЬЕВ непосредственно получал задания от ЯГОДЫ и БУЛАНОВА. Мы хотели знать — какие именно задания он получает по дивизии. Однако разговор КРУЧИНКИНА с КОНДРАТЬЕВЫМ результатов не дал, и только после инспекции дивизии, которую удалось провести во время отпуска ЯГОДЫ и вскрытия ряда фактов о безобразном состоянии частей дивизии нам удалось заставить КОНДРАТЬЕВА рассказать о проводимой им заговорщической работе по дивизии.

КОНДРАТЬЕВ рассказал, что большинство командиров полков дивизии, а также многие из работников политаппарата им завербованы. КОНДРАТЬЕВ

/39/

сказал также о том, что ГОЛЬХОВ — начальник политотдела дивизии (прибыл с КОНДРАТЬЕВЫМ с Дальнего Востока) — привлечен к заговору.

Дальше КОНДРАТЬЕВ рассказал, что ЯГОДА дал ему задание (и это отрабатывается им), чтобы

командный состав, завербованный и привлеченный к работе, проработал план возможных действий дивизии в условиях Москвы. План этот в основном заключался в оцеплении и изоляции Кремля от остальной части города. Кроме того, он сказал, что в случае осложнений имеется **войсковая группа из состава дивизии**, которая должна сразу же поступить в распоряжение ЯГОДЫ. И, наконец, он сообщил, что командиры, назначаемые в состав наряда для дежурства внутри ОГПУ, на броневиках, выделяются, главным образом, из состава участников заговора***. Рассказав это, КОНДРАТЬЕВ, тут же оробев, начал говорить о том, что он хотел бы, чтобы ЯГОДА не знал о его разговорах с нами, пока он не уладит с ним этого вопроса. Одновременно КОНДРАТЬЕВ сказал, что ему от БУЛАНОВА известно, что КРУЧИНКИН и я ведем работу.

В 1935 году ЕВДОКИМОВ стал спрашивать меня: нет ли руки ЯГОДЫ в деле убийства КИРОВА и не имею ли я об этом данных? Причем он указал, что если ЯГОДА участник этого дела — поступок нехороший, не с точки зрения сожаления о потере КИРОВА, а с точки зрения усложнения положения и тех репрессий, которые начались вскоре после убийства КИРОВА.

Во время этой беседы к нему на квартиру зашел ЛИФШИЦ Яков, быв. зам. наркомпути, который, поздоровавшись со мной, сказал: «Живем в одном городе и не встречаемся». ЕВДОКИМОВ тут же сказал — надо было бы встретиться, полезно было бы для обоих. Это было под выходной день, и ЛИФШИЦ пригласил нас к себе на дачу на выходной день.

После отъезда ЛИФШИЦА от ЕВДОКИМОВА я спросил его, что по-честному ли раскаялся ЛИФШИЦ? ЕВДОКИМОВ ответил: «По-честному такие, как Яшка, не каются» — и добавил, что ЛИФШИЦ ведет соответствующую работу.

На второй день я и ЕВДОКИМОВ были на даче у ЛИФШИЦА. Заговорщических разговоров у нас не было, но ЕВДОКИМОВ все время подчеркивал необходимость тесной связи с ЛИФШИЦЕМ, с которым мы условились о дальнейших встречах.

В одну из этих встреч, во время верховой поездки, ЛИФШИЦ сказал мне: «Слышал я от ЕВДОКИМОВА о тебе, откровенно говоря, не ожидал, что ты тоже с нами, молодец». Я начал с ЛИФШИЦЕМ говорить, а как, мол, ты? Он ответил: «Тебе же ЕВДОКИМОВ сказал о том, что я работаю». Я его еще спросил, — а большую работу ведешь? Он сказал, что работу ведет большую, имеет связь с центром через ПЯТАКОВА, имеет большое количество людей и не порывает связей с украинцами.

При следующей встрече, в связи с начавшимися арестами ряда троцкистов, ЛИФШИЦ дал мне задание, хотя я и работал в ГУПВО и прямого отношения к оперативной работе не имел, — прислушиваться, какие показания дают арестованные троцкисты, и информировать его.

В 1935 году, осенью, был пробег жен украинских пограничников в Москву. ЯГОДА разрешил мне организовать их прием у меня на даче, а утром этого же дня я ездил верхом с ЛИФШИЦЕМ и говорил ему об этом приеме. ЛИФШИЦ спросил, а кто у тебя будет? Я говорю, что приглашаю начальников отделов. Тогда он сказал — пригласи и МОЛЧАНОВА, и нельзя ли мне быть на этом приеме. Я сказал, что ничего особенного не будет, приходи как будто невзначай. ЛИФШИЦ под вечер действительно пришел ко мне на дачу. При- /40 / ехал и МОЛЧАНОВ. После обеда ЛИФШИЦ и МОЛЧАНОВ сидели рядом, выпивали, а после этого ушли в сад гулять. ЛИФШИЦ уехал, когда остальные присутствующие еще не разъезжались, и только спустя дней десять я спросил ЛИФШИЦА, о чем ты говорил с МОЛЧАНОВЫМ, не сказал ли ему что-нибудь обо мне? Он ответил, что говорил с ним о троцкистах. «Видишь ли, МОЛЧАНОВ тоже не совсем чистый человек, но фанатерию со мной разводил. Прямого разговора у меня с ним не было, а я его шупал, какие показания дают троцкисты».

В одну из встреч в 1935 году ЕВДОКИМОВ у него на квартире рассказал мне о ряде людей, которые

им привлечены к работе в Пятигорске. Он назвал ПИВОВАРОВА, большую группу чекистов: ***БОЯРА, ДЯТКИНА и ШАЦКОГО***. Здесь же он мне рассказал о его связях с ХАТАЕВИЧЕМ, причем всячески его расхваливал как знатока деревни; с ЭЙХЕ, о части ленинградской группы — ЧУДОВЕ, ЖУКОВЕ, причем тут же меня предупредил — иметь в виду с ними не особенно встречаться, потому что ленинградцы пьянствуют и вообще в ЦК слывут как люди подмоченные, разложившиеся на почве пьянства.

В этот же его приезд ЕВДОКИМОВ говорил: нельзя ли как-нибудь, через ЯГОДУ, протянуть ДАГИНА на оперативный отдел. «Хотя ПАУКЕР — яго-динский человек, но он — дурак, и, если ему что-нибудь серьезное поручить, он обязательно провалит», сказал ЕВДОКИМОВ. При этом он предупредил, что если будешь пытаться протянуть ДАГИНА на первый отдел, то надо это делать очень осторожно, учитывая обстановку.

ЕВДОКИМОВ говорил и о том, что в ряде районов Северного Кавказа удалось возглавить своими людьми повстанческие группы, и о том, что проводившаяся перед этим чистка партии помогла в смысле вербовки людей.

Во время процесса ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других, когда было опубликовано в печати о БУХАРИНЕ, перед концом процесса, ЕВДОКИМОВ был в Москве. Он очень волновался и, в разговоре со мной, говорил: «Черт его знает, как удастся выкрутиться из всего этого дела. Никак не понимаю ЯГОДУ, что он там делает, зачем расширяет круг людей для репрессий, или у этих поджилки слабы — выдают. Но можно было бы поставить таким образом ход следствия, чтобы всячески обезопасить себя».

Тут же он расспрашивал меня в отношении ЛИФШИЦА: проходит ли ЛИФШИЦ где-либо по чекистским материалам? ЛИФШИЦА в этот момент в Москве не было, он был в отпуске. Я ЕВДОКИМОВУ рассказал, что присутствовал на одном из оперативных совещаний, где МОЛЧАНОВ докладывал показания на ЛИФШИЦА, и что эти показания идут с Украины. ЕВДОКИМОВ при этом сказал: «ЛИФШИЦ скоро вернется из отпуска, ты открыто с ним не встречайся». Я в это время уже собирался в командировку на Дальний Восток, а с ЛИФШИЦЕМ как-то в одну из поездок верхом, перед его отпуском, мы говорили относительно возможной совместной поездки на Дальний Восток.

Я ЕВДОКИМОВУ говорю, что мы собирались вместе с ЛИФШИЦЕМ ехать на Дальний Восток. Он сказал, что, если можешь, лучше в этой обстановке поезжай один. ЕВДОКИМОВ интересовался — кто из чекистов ведет следствие и агентурную разработку по троцкистам и правым. Сам он был очень подавлен.

Перед моим отъездом на Дальний Восток ЛИФШИЦ вернулся из отпуска, но я перестал с ним встречаться, учитывая наличие на него показаний и возможную мою компрометацию.

/41/

Когда я уезжал на Дальний Восток, ЯГОДА дал мне письмо ДЕРИБАСУ, содержание которого мне неизвестно, и, кроме того, просил на словах передать ДЕРИБАСУ о том, что Центральный Комитет не совсем доволен работой ДЕРИБАСА, что у него в части удара по троцкистам обстоит неважно, и тут же добавил: «Вы ему укажите, что хочет он этого или не хочет, но делать надо, он поймет». Я спросил ЯГОДУ, а если он будет спрашивать о моем отношении к вам и о ваших делах? ЯГОДА мне ответил: «ДЕРИБАС умный человек, и я думаю, что он этого делать не будет, расскажите, что мы здесь пережили после убийства КИРОВА».

С ДЕРИБАСОМ у меня этот разговор был, и ДЕРИБАС интересовался, главным образом, фамилиями людей уже репрессированных и людей, которые проходят по материалам. Я ему рассказал о

ЛИФШИЦЕ и ПЯТАКОВЕ, которые — на грани разоблачения.

По дороге с Дальнего Востока в Москву, уже после назначения меня заместителем наркома, на одной из ж.-д. станций зашел ко мне в вагон агент и сказал, что на следующей станции со мной хочет поговорить зам. нарком-пути ЛИФШИЦ. И действительно, я встретился с ЛИФШИЦЕМ на следующей станции. Я сознательно вышел из вагона, чтобы не разговаривать с ним в вагоне, поскольку со мной ехал ряд сотрудников. ЛИФШИЦ подошел ко мне вместе с РУТЕНБУРГОМ — начальником дороги. ЛИФШИЦ просил разрешения проехать со мной одну станцию. Он рассказал, что с должности заместителя наркома снят, что в Москве у него были очные ставки с арестованными. Он всячески ругал людей, которые его выдали, нервничал и просил меня, как уже заместителя наркома, как-нибудь сделать так, чтобы из этого дела ему выкрутиться. Я его, в свою очередь, просил: «Уж если ты попадешь, поскольку так далеко зашло дело, так держись как следует».

На следующей станции он ушел. Встретившись с ЛИФШИЦЕМ, я немножко сам струхнул, как бы на этой почве не было каких-нибудь неприятностей, и принял план, что по приезде в Москву я об этом расскажу ЕЖОВУ, и расскажу в таком контексте, что ЛИФШИЦ клялся и божился, что он не виновен, страшно нервничает и практической работой старается доказать свою преданность Центральному Комитету. По возвращении в Москву я так и сделал.

Вскоре после вступления в должность заместителя наркома ЕЖОВ начал меня приближать к себе, выделять из остальных замов, вести со мной более откровенные разговоры в оценке других замов, высказывать некоторое недовольство АГРАНОВЫМ. Перед распределением обязанностей между замами, помимо того, что я продолжал быть начальником ГУПВО, ЕЖОВ предложил мне интересоваться и оперативными вопросами, а примерно в 1937 году, после ареста ЯГОДЫ, он начал со мною вести разговоры в отношении возможного моего назначения первым заместителем Наркома. Во время одного из таких разговоров ЕЖОВ мне сказал: «Я предрешил этот вопрос, но хочу с тобой поговорить, только давай — по-честному, за тобой есть грешки кое-какие».

Вначале я совершенно опешил, думая — пропало дело. Увидев мою растерянность, ЕЖОВ начал говорить: «Ты не бойся, расскажи по-честному». Тогда я ему рассказал об истории с сокольническим делом, о своей связи с ЯГОДОЙ, связи с ЕВДОКИМОВЫМ и через него с ЛИФШИЦЕМ. Тогда ЕЖОВ сказал: «Грехов у тебя столько, хоть сейчас тебя сажай, ну, ничего, будешь работать, будешь на сто процентов моим человеком». Я растерянно посмотрел на него и пытался отказаться от назначения на должность первого зам / 42 / наркома, но он сказал: «Садись, работай, будем вместе работать и отвечать будем вместе».

До ареста БУХАРИНА и РЫКОВА, разговаривая со мной откровенно, ЕЖОВ начал говорить о планах чекистской работы в связи со сложившейся обстановкой и предстоящими арестами БУХАРИНА и РЫКОВА. ЕЖОВ говорил, что это будет большая потеря для правых, после этого вне нашего желания, по указанию ЦК могут развернуться большие мероприятия по правым кадрам, и что в связи с этим основной задачей его и моей является ведение следствия таким образом, чтобы, елико возможно, сохранять правые кадры. Тут же он развернул план этого дела. В основном этот план заключался в следующем: «Нужно расставить своих людей, главным образом, в аппарате СПО, следователей подбирать таких, которые были бы или полностью связаны с нами, или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали бы, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках. Включиться самим в следствие и руководить им». «А это заключается в том, — говорил ЕЖОВ, — чтобы записывать не все то, что говорит арестованный, а чтобы следователи приносили все наброски, черновики начальнику отдела, а в отношении арестованных, занимавших в прошлом большое положение и занимающих ведущее положение в организации правых, протоколы составлять с его санкции». Если арестованный называл участников организации, то их нужно было записывать отдельным списком и каждый раз докладывать ему. Было бы неплохо, говорил ЕЖОВ, брать в аппарат людей, которые уже были связаны с организацией. «Вот, например,

ЕВДОКИМОВ говорил тебе о людях, и я знаю кое-кого. Нужно будет их в первую очередь потянуть в центральный аппарат. Вообще нужно присматриваться к способным людям и с деловой точки зрения из числа уже работающих в центральном аппарате, как-нибудь их приблизить к себе и потом вербовать, потому что без этих людей нам работу строить нельзя, нужно же ЦК каким-то образом работу показывать».

В осуществление этого предложения ЕЖОВА нами был взят твердый курс на сохранение на руководящих постах в НКВД ягодинских кадров. Необходимо отметить, что это нам удалось с трудом, так как с различных местных органов на большинство из этих лиц поступали материалы об их причастности к заговору и антисоветской работе вообще.

Для сохранения этих кадров и их формальной реабилитации арестованные, дававшие такие показания, вызывались в Москву, где путем передопросов приводили их к отказу от данных ими показаний (дело ЗИРНИСА, дело ГЛЕ-БОВА и других).

Наряду с этим взамен арестованных ягодинцев (которых не удавалось сохранить) по указанию ЕЖОВА на руководящую работу в центральный аппарат и местные органы НКВД усиленно стягивались и назначались северокавказские кадры чекистов.

Значительное количество этих чекистов, составлявших кадры ЕВДОКИМОВА, было взято и на работу в отдел охраны НКВД. Как я указал выше, эти кадры использовались ДАГИНЫМ для подготовки к осуществлению ими по указанию ЕЖОВА в необходимый момент террористических актов против руководителей партии и правительства.

После ареста ПАУКЕРА ЕЖОВ поставил вопрос о подборе начальника первого отдела и сам же предложил КУРСКОГО, который был назначен на должность начальника 1-ого отдела. Вскоре после назначения КУРСКОГО в Москве был ЕВДОКИМОВ. ЕВДОКИМОВ спрашивал меня — что делается.

/ 43/

Я ему рассказал об установлении связи с ЕЖОВЫМ. ЕВДОКИМОВ тогда сразу перешел к первому отделу, говоря, что КУРСКОГО неудачно назначили на первый отдел, хотя этот человек и наш, говорил он, но он неврастеник и трусоват; я тебе говорил, что ДАГИНА надо было назначить.

Я рассказал ему о настроениях КУРСКОГО уже в процессе работы, что он всячески хочет освободиться от должности начальника 1-ого отдела. ЕВДОКИМОВ предложил воспользоваться этими настроениями и во что бы то ни стало назначить на место КУРСКОГО ДАГИНА. КУРСКИЙ был освобожден, и назначен был ДАГИН.

В эту же встречу с ЕВДОКИМОВЫМ он говорил: «При вас тоже будет продолжаться ягодинская линия; будем сами себя истреблять. Доколь это будет продолжаться?»

Я ему рассказал о состоявшемся разговоре с ЕЖОВЫМ и указал, что мы принимаем сейчас меры, елико возможно, сохранять кадры.

ЕВДОКИМОВ посоветовал мне поскорее провести дела на арестованных и намечаемых к аресту чекистов. «Видишь ли, — говорил он, — ягодинские кадры не скроешь, они всем известны, не сегодня завтра будет вытолкнут каждый из них, просто коллективы с низов поднимутся против них, так что здесь надо скорее эти дела повернуть».

Дальше он говорил, что особо осторожным нужно быть с ЯГОДОЙ. ЯГОДА человек такой, что начнет болтать на следствии несусветные вещи, и посоветовал, чтобы следствие по делу ЯГОДЫ вел

КУРСКИЙ.

Об этом разговоре с ЕВДОКИМОВЫМ я рассказал ЕЖОВУ. ЕЖОВ сказал — это хорошо, что ты мне рассказываешь, но зря ты ЕВДОКИМОВУ рассказываешь о том, что мы с тобой говорили, давай лучше условимся так — ты будешь говорить ЕВДОКИМОВУ только то, что я тебе скажу.

После октябрьского пленума ЦК в 1937 г. я и ЕВДОКИМОВ первый раз встретились вместе на даче у ЕЖОВА. Причем разговор начал ЕВДОКИМОВ, который, обращаясь к ЕЖОВУ, спросил: «Что у тебя не так получается, обещал выправить ягодинокое положение, а дело все больше углубляется и теперь подходит вплотную к нам. Видно, неладно руководишь делом». ЕЖОВ сперва молчал, а потом заявил, что «действительно обстановка тяжелая, вот сейчас принимаем меры к тому, чтобы сократить размах операций, но, видимо, с головкой правых придется расправиться». ЕВДОКИМОВ ругался, плевался и говорил: «Нельзя ли мне пойти в НКВД, я окажу помощи больше, чем другие». ЕЖОВ говорит: «Было бы хорошо, но ЦК едва ли пойдет на то, чтобы тебя передать в НКВД. Думаю, что дело не совсем безнадежно, но тебе надо поговорить с ДАГИНЫМ, ты имеешь на него влияние, надо, чтобы он развернул работу в Оперативном отделе, и нам быть готовым к совершению террористических актов».

Не помню — ЕЖОВ или ЕВДОКИМОВ говорили, что нужно посмотреть, как были расставлены кадры у ПАУКЕРА и ЯГОДЫ, и их убрать. Раз люди остались, без управления они могут сделать глупости, пойти на самостоятельные действия. Здесь ЕВДОКИМОВ сказал, что было бы неплохо завести в наружной охране, непосредственно на дачах, людей из националов Северного Кавказа, этот народ будет служить честно, ведь охраняли же ингуши царя. После этого ЕЖОВ опять стал говорить, что работу ни в коем случае не надо прекращать и сворачивать, но нужно уходить больше в подполье и ни в коем случае ему самому (ЕВДОКИМОВУ) не завязывать дополнительных связей по краю. «Есть же у тебя люди, пусть они сами потихоньку проверяют и заводят людей».

/ 44 /

Возвращаясь из Монголии, я узнал о том, что стоит вопрос о моем переводе из НКВД в Наркомат обороны — зам. наркома.

В день открытия пленума я спросил об этом ЕЖОВА. Он говорит, что вопрос еще не решен. На мой вопрос — соответствуют ли действительности разговоры в аппарате о переводе ВАКОВСКОГО в Москву на должность первого заместителя наркома, ЕЖОВ ответил: ЗАКОВСКОГО хотим взять в аппарат в качестве начальника отдела с правом заместительства. Этот человек, сказал он, наш полностью, но человек, за которым надо иметь присмотр, и потом его нужно из ленинградской обстановки перебросить, потому что в отношении его связей с ЧУДОВЫМ и КОДАЦКИМ большие идут разговоры. В ЦК также говорят о разложении ЗАКОВСКОГО.

После одного из заседаний пленума, вечером, на даче у ЕЖОВА были ЕВДОКИМОВ, я и ЕЖОВ. Когда мы приехали туда, там был ЭЙХЕ, но ЭЙХЕ с нами никаких разговоров не вел. Что было до нашего приезда у ЕЖОВА с ЭЙХЕ — ЕЖОВ мне не говорил. После ужина ЭЙХЕ уехал, а мы остались и почти до утра разговаривали. ЕВДОКИМОВ, главным образом, напирал на то, что подбираются и под нас, в частности, он начал говорить о себе и выражал недовольство, почему ЕЖОВ направил к нему в край ДЕЙЧА, который подбирает на него материалы.

Во время этого же пленума у меня была еще одна встреча с ЕВДОКИМОВЫМ. Он все время нажимал на то, что надо Николая ЕЖОВА все время держать в руках, что «вы не можете справиться с этим делом, берете свои собственные кадры и расстреливаете», и тут же ЕВДОКИМОВ предложил: «Я бы советовал не отправлять ленинградских арестованных (ЧУДОВ, КО-ДАЦКИЙ, СТРУППЕ) в Ленинград потому, что хотя ЗАКОВСКИЙ и наш человек полностью, а кто с ним работает, черт их

знает, как бы не начали мотать». ЕВДОКИМОВ продолжал: «Я считаю, что вы рано начали награждать орденами. Ведь люди награждаются не только наши, но и другие, порыв борьбы растет, а это надо было бы попридержать, ордена же — стимул людям, которые с нами органически и организационно не связаны и потому могут расширять операции». И здесь ЕВДОКИМОВ и ЕЖОВ уже вместе говорили о возможном сокращении операций, но, так как это было признано невозможным, договорились отвести удар от своих кадров и попытаться направить его по честным кадрам, преданным ЦК. Такова была установка ЕЖОВА.

Забыл упомянуть об одном обстоятельстве, для дела имеющем существенное значение.

Осенью 1935 г. на даче у ЛИФШИЦА состоялась встреча ЕВДОКИМОВА, меня, ДАГИНА и ЛИФШИЦА, на которой ЕВДОКИМОВ в крайне раздраженном состоянии стал говорить о том, что он не совсем верит в успешность подготавливаемых троцкистами и правыми террористических актов против СТАЛИНА. ЕВДОКИМОВ при этом прямо заявил о том, что только силами отдела охраны НКВД может быть реально осуществлен теракт против СТАЛИНА.

ЕВДОКИМОВ усиленно сожалел, что ему не удалось ДАГИНА назначить начальником отдела охраны, еще в бытность своей работы начальником СОУ ОГПУ, и предлагал мне осторожно при удачном случае рекомендовать ДАГИНА вместо ПАУКЕРА.

Вскоре ЕВДОКИМОВ был переведен на работу в Москву. Встречи у нас стали происходить чаще, как у ЕЖОВА непосредственно с ЕВДОКИМОВЫМ, так и нас троих.

/ 45 /

Тут я считаю необходимым отметить следующее:

После арестов членов центра правых ЕЖОВ и ЕВДОКИМОВ по существу сами стали центром, организующим:

1) сохранение по мере возможности антисоветских кадров правых от разгрома; 2) нанесение удара по честным кадрам партии, преданным Центральному Комитету ВКП(б); 3) сохранение повстанческих кадров как на Северном Кавказе, так и в других краях и областях СССР с расчетом на их использование в момент международных осложнений; 4) усиленную подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства; 5) приход к власти правых во главе с Н. ЕЖОВЫМ.

По возвращении с Дальнего Востока по просьбе ЕЖОВА я, не заезжая домой, поехал в Наркомат. Я ЕЖОВА вообще никогда в таком удрученном состоянии не видел. Он говорил: «Дело дрянь» — и сразу же перешел к вопросу о том, что БЕРИЯ назначен в НКВД вопреки его желанию. Паршивое дело будет, говорил он. Боюсь, что все будет вскрыто и рухнут наши планы.

27—28 августа 1938 г. позвонил мне ЕВДОКИМОВ и попросил зайти к нему на квартиру. Весь наш разговор ЕВДОКИМОВ свел к тому, что, если есть какие-либо недоделки, по которым может начаться разворачиваться наше причастие к преступным делам, до приезда БЕРИЯ закончить, и тут же мне ЕВДОКИМОВ сказал: «Ты проверь — расстреляли ли ЗАКОВСКОГО и расстреляны ли все люди ЯГОДЫ, потому что по приезде БЕРИЯ следствие по этим делам может быть восстановлено и эти дела повернутся против нас». Я проверил и установил, что ЗАКОВСКИЙ, МИРОНОВ и группа других чекистов была расстреляна 26—27 августа****.

Перехожу к практической вражеской работе, проведенной ЕЖОВЫМ, мною и другими заговорщиками в НКВД.

Следственная работа

Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделен на «следователей-колольщиков», «колольщиков» и «рядовых» следователей.

Что из себя представляли эти группы и кто они?

«Следователи-колольщики» были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались «показаний» и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

К такой категории людей относились: НИКОЛАЕВ, АГАС, УШАКОВ, ЛИСТЕНГУРТ, ЕВГЕНЬЕВ, ЖУПАХИН, МИНАЕВ, ДАВЫДОВ, АЛЬТМАН, ГЕЙМАН, ЛИТВИН, ЛЕПЛЕВСКИЙ, КАРЕЛИН, КЕРЗОН, ЯМНИЦ-КИЙ **** и другие****.

Так как количество сознающихся арестованных при таких методах допроса изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые «следователи-колольщики» стали, каждый при себе, создавать группы просто «колольщиков».

Группа «колольщиков» состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его избиению. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился.

Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких до- /46 / просов следователем составлялся черновик протокола, который шел на «корректировку» начальнику соответствующего отдела, а от него еще не подписанным — на «просмотр» быв. народному комиссару ЕЖОВУ и в редких случаях — ко мне. ЕЖОВ просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о «колольщиках», и подследственный подписывал протокол. «Корректировку» и «редактирование» протоколов, в большинстве случаев, ЕЖОВ производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов.

При таких методах следствия подсказывались фамилии.

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные.

Знало ли об этом руководство наркомата, т.е. я и ЕЖОВ? — Знали.

Как реагировали? Честно — никак, а ЕЖОВ даже это поощрял. Никто не разбирался — к кому применяется физическое воздействие. А так как большинство из лиц, пользующихся этим методом, были врагами — заговорщиками, то ясно шли оговоры, брались ложные показания и арестовывались и расстреливались оклеветанные врагами из числа арестованных и врагами — следователями невинные люди. Настоящее следствие смазывалось.

Был арестован МАРЬЯСИН — быв. пред. Госбанка, с которым ЕЖОВ до ареста был в близких

отношениях. К следствию по его делу ЕЖОВ проявил исключительный интерес. Руководил следствием по его делу лично сам, неоднократно бывая на его допросах. МАРЬЯСИН содержался все время в Лефортовской тюрьме. Избивался он зверски и постоянно. Если других арестованных избивали только до момента их признания, то МАРЬЯСИНА избивали даже после того, как кончилось следствие и никаких показаний от него не брали.

Однажды, обходя кабинеты допросов вместе с ЕЖОВЫМ (причем ЕЖОВ был выпивши), мы зашли на допрос МАРЬЯСИНА, и ЕЖОВ долго говорил МАРЬЯСИНУ, что он еще не все сказал, и, в частности, сделал МАРЬЯСИ-НУ намек на террор вообще и теракт против него — ЕЖОВА, и тут же заявил, что «будем бить, бить и бить».

Или еще: у арестованного ЯКОВЛЕВА на первом же или втором допросе после его ареста ЕЖОВ в пьяном виде добивался показаний о подготовке ЯКОВЛЕВЫМ террористического акта против ЕЖОВА. ЯКОВЛЕВ говорил, что это — неправда, но он был избит ЕЖОВЫМ и присутствующими, и после этого ЕЖОВ ушел, не добившись признания. Спустя несколько дней появились показания о теракте, готовившемся против ЕЖОВА — ЯКОВЛЕВЫМ.

Сознательно проводимая ЕЖОВЫМ неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов дошла до того, что угодливые следователи из числа «колобщиков» постоянно добивались «признания» арестованных о мнимой подготовке террористических актов против ЕЖОВА.

Арестованный КРУГЛИКОВ (быв. предс. Госбанка) в своих показаниях также давал тергруппу, готовящую убийство ЕЖОВА. Я присутствовал на предпросе КРУГЛИКОВА ЕЖОВЫМ. КРУГЛИКОВ заявил, что он налгал в вопросе о теракте против ЕЖОВА. ЕЖОВ после этого замечания поднялся, не стал разговаривать с КРУГЛИКОВЫМ и вышел. Следом за ним вышел следователь, который допрашивал КРУГЛИКОВА, подошел к ЕЖОВУ. По- /47 / следний ему что-то сказал, и я с ЕЖОВЫМ уехали в Наркомат. Что он сказал следователю — не знаю, но знаю, что наутро было заявление КРУГЛИКОВА, в котором он свой отказ объяснил тем, что он, увидя ЕЖОВА, «растерялся» и не хотел ему лично в глаза подтверждать своих показаний.

КРУГЛИКОВА заставили подтвердить эти показания, а ЕЖОВ после этого ни разу не поинтересовался — где же правда.

При проведении следствия по делу ЯГОДЫ и арестованных чекистов-заговорщиков, а также и других арестованных, особенно правых, установленный ЕЖОВЫМ порядок «корректировки» протоколов преследовал цель — сохранение кадров заговорщиков и предотвращение всякой возможности провала нашей причастности к антисоветскому заговору.

Можно привести десятки и сотни примеров, когда подследственные арестованные не выдавали лиц, связанных с ними по антисоветской работе.

Наиболее наглядными примерами являются заговорщики ЯГОДА, БУЛАНОВ, ЗАКОВСКИЙ, КРУЧИНКИН и др., которые, зная о моем участии в заговоре, показаний об этом не дали*****.

Как подготавливались арестованные к очным ставкам, и особенно к очным ставкам, которые проводились в присутствии членов правительства?

Арестованных готовили специально, вначале следователь, после начальник отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, объясняли, как очная ставка будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать. По существу, происходил сговор и репетиция предстоящей

очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе ЕЖОВ или, делая вид, что он случайно заходил в комнату следователя, где сидел арестованный и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал — твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и, между прочим, вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства.

Обыкновенно ЕЖОВ перед такими очными ставками нервничал, даже и после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда арестованный при разговоре с ЕЖОВЫМ делал заявление, что его показания не верны, он оклеветан.

В таких случаях ЕЖОВ уходил, а следователю или начальнику отдела давалось указание «восстановить» арестованного, так как очная ставка назначена. Как пример можно привести подготовку очной ставки УРИЦКОГО (начальник Разведупра) с БЕЛОВЫМ (командующий Белорусским военным округом). УРИЦКИЙ отказался от показаний на *****БЕЛОВА***** при допросе его ЕЖОВЫМ. Не став с ним ни о чем разговаривать, ЕЖОВ ушел, а спустя несколько минут УРИЦКИЙ через НИКОЛАЕВА извинился перед ЕЖОВЫМ и говорил, что он «смалодушничал».

Подготовка процесса РЫКОВА, БУХАРИНА, КРЕСТИНСКОГО, ЯГОДЫ и других

Активно; участвуя в следствии вообще, ЕЖОВ от подготовки этого процесса самоустранился. Перед процессом состоялись очные ставки арестованных, допросы, уточнения, на которых ЕЖОВ не участвовал. Долго говорил он с ЯГОДОЙ, и разговор этот касался, главным образом, убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют.

Раз ЕЖОВ беседовал с БУЛАНОВЫМ, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти.

/ 48 /

Причем БУЛАНОВ начал разговор в этот момент об отравлении ЕЖОВА. О чем был разговор, ЕЖОВ мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: «Держись хорошо на процессе — буду просить, чтобы тебя не расстреливали». После процесса ЕЖОВ всегда высказывал сожаление о БУЛАНОВЕ. Во время же расстрела ЕЖОВ предложил БУЛАНОВА расстрелять первым и в помещение, где расстреливали, сам не вошел.

Безусловно, тут ЕЖОВЫМ руководила необходимость прикрытия своих связей с арестованными лидерами правых, идущими на гласный процесс.

По существу отравления ЕЖОВА. Мысль об его отравлении подал сам ЕЖОВ — изо дня в день заявляя всем замам и начальникам отделов, что он плохо себя чувствует, что, как только побудет в кабинете, чувствует какой-то металлический привкус и запах во рту. После этого начал жаловаться на то, что у него из десен стала появляться кровь и стали расшатываться зубы. ЕЖОВ стал твердить, что его отравили в кабинете, и тем самым внушил следствию добиться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и применением избиения.

Массовые операции

По массовым операциям в самом начале была спущена директива ЕЖОВА в полном соответствии с решением правительства, и первые месяцы они протекали нормально.

Вскоре было установлено, что в ряде краев и областей, и особенно в Орд-жоникидзевском крае, были

случаи убийства арестованных на допросах, и в последующем дела на них оформлялись через тройку как на приговоренных к расстрелу. К этому же периоду стали поступать данные о безобразиях и из других областей, в частности с Урала, Белоруссии, Оренбурга, Ленинграда и Украины.

Особенно сильно возросли безобразия, когда дополнительно к проводимым массовым операциям в краях и областях была спущена директива о репрессировании инациональностей, подозрительных по шпионажу, связям с консульствами иностранных государств, перебежчиков. В Ленинградской, Свердловской областях, Белорусской ССР, на Украине стали арестовывать коренных жителей СССР, обвиняя их в связи с иностранцами. Нередки были случаи, когда никаких данных о подобной связи не было. Дела по этой операции рассматривались в Москве специально созданной тройкой. Председателем тройки были вначале ЦЕСАРСКИЙ, а затем — ШАПИРО.

Принятое ЕЖОВЫМ, мною и ЕВДОКИМОВЫМ решение о невозможности приостановить и отвести удар от своих — антисоветских повстанческих кадров и необходимости перенести удар на честные, преданные родине и партии, кадры практически нашло свое выражение в преступном проведении карательной политики, которая должна была быть направлена против изменников родины и агентуры иностранных разведок. Честные работники НКВД на местах, не подозревая предательства со стороны руководства НКВД СССР и многих руководителей УНКВД, причастных к антисоветскому заговору, принимали наши вражеские установки за установки партии и правительства и объективно оказались участниками истребления ни в чем не повинных честных граждан.

Поступающие к нам массовые сигналы о так называемых «перегибах», по существу разоблачающие нашу вражескую работу, по указанию ЕЖОВА оставались без всякого реагирования. В тех случаях, когда не было возможности вследствие вмешательства ЦК прикрыть, заглушить тот или иной разоблачительный сигнал, шли на прямые подлоги и фальсификацию.

/ 49 /

Так, например, в 1938 г. по поручению ЦК ВКП(б) в Орджоникидзевский край ездил ШКИРЯТОВ для расследования поступивших материалов о преступных извращениях при массовых операциях, проводимых органами НКВД в крае.

ЕЖОВ, с целью показать ЦК ВКП(б), что он своевременно реагировал уже на сигналы, вручил ШКИРЯТОВУ «приказ», якобы изданный им по НКВД. На самом же деле такого приказа он не издавал.

В других случаях в целях прикрытия вражеской работы заговорщиков к судебной ответственности привлекались рядовые работники НКВД.

Обман партии и правительства

ЕЖОВ, придя в НКВД, на всех совещаниях, в беседах с оперативными работниками, заслуженно критикуя существующую среди чекистов ведомственность, изоляцию от партии, подчеркивал, что он будет прививать работникам партийность, что он не скрывал и не будет скрывать ничего и никогда от партии и от СТАЛИНА. Фактически же обманывал партию как в серьезных, больших вопросах, так и в мелочах. Разговоры же эти ЕЖОВ вел не для чего иного, как усыпления бдительности у честных работников НКВД.

ЕЖОВ себе сам создавал, а после и его ближайшие помощники, начиная с меня, ореол славы лучшего из лучших, бдительного из бдительных. Нередко ЕЖОВ говорил, что, если бы не он, в стране был бы переворот, в результате его работы и вскрытых дел оттянули войну и т.д. Критиковал вражески и дискредитировал отдельных членов Политбюро. Говорил о ряде из них открыто как ненадежных,

шатающихся. Нередко в присутствии ряда подчиненных работников бросал крылатые фразы о близких связях отдельных членов политбюро с разоблаченными и репрессированными заговорщиками. О некоторых отзывался как о слепых, не видящих, что делается вокруг них, проморгавших врагов в своем окружении. Все это были фразы, прикрывающие его обман партии и ЦК и его преступную деятельность. Было бы, может, и достаточно тех фактов, которые я раньше изложил, но хочу привести еще несколько примеров.

Быв. нач. разведупра РККА УРИЦКИЙ начал давать показания на командующего БВО — БЕЛОВА, который был вызван в Москву, где предполагалась очная ставка БЕЛОВА с УРИЦКИМ. Очная ставка намечалась на вечер. ЕЖОВ был вызван в Кремль на квартиру СТАЛИНА и спустя некоторое время — звонит по телефону ко мне в кабинет и говорит: «Надо срочно разыскать БЕЛОВА и попросить его приехать в НКВД». На мой вопрос, а где он может быть, ЕЖОВ повышенным тоном ответил: «Я же отдал Вам распоряжение установить наружку за БЕЛОВЫМ?» При моей попытке сказать ЕЖОВУ, что он об этом мне никаких указаний не давал, ЕЖОВ, не выслушав меня, положил трубку.

Проверкой было установлено, что никакого наблюдения за БЕЛОВЫМ установлено не было и ЕЖОВ обманул ЦК.

Второй факт, о котором мне стало известно после ухода из НКВД. ЕЖОВ скрыл от ЦК и СТАЛИНА показания, присланные из Грузинского НКВД на ЛЮШКОВА и других заговорщиков при назначении ЛЮШКОВА начальником управления НКВД ДВК.

По заданию ЕЖОВА мною была проведена «проверка» этих показаний на Л ЮШКОВА путем допроса ЯГОДЫ. Допрос сознательно был проведен с таким расчетом, что ЯГОДА этих показаний на ЛЮШКОВА не подтвердил, в то время как ЛЮШКОВ являлся одним из самых его близких людей. ЛЮШ-КОВ, как известно, бежал за границу.

/ 50 /

Третий факт. О группе заговорщиков и террористов в Кремле (БРЮХАНОВ, ТАБОЛИН, КАЛМЫКОВ, ВИНОГРАДОВА).

Не знаю — есть ли смысл писать это, гражданин Народный Комиссар, так как Вам это известно, но все же считаю необходимым сообщить, что протокол показаний на БРЮХАНОВА и других был тотчас же по их получении сдан ЕЖОВУ, оставлен им у себя, якобы для доклада СТАЛИНУ и МОЛОТОВУ. А необходимость в этом была, так как БРЮХАНОВ являлся мужем ВИНОГРАДОВОЙ, а последняя работала по обслуживанию СТАЛИНА и его секретариата. Однако ЕЖОВ, как это мне стало известно по возвращении из Дальнего Востока, скрывал эти материалы от партии и правительства на протяжении семи месяцев.

Настоящее заявление далеко не исчерпывает всей суммы фактов моей преступной работы.

В последующих моих показаниях я с исчерпывающей полнотой расскажу следствию все, что мне известно, и не скрою ни одного известного мне врага коммунистической партии и советской власти, и назову всех лиц, причастных к антисоветской заговорщической работе независимо от того, арестованы они на сегодня или нет.

М. ФРИНОВСКИЙ

11 апреля 1939 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 373. Л. 3—44. Подлинник. Машинопись.

На полях имеются рукописные пометы Сталина:

- * фраза «Рошалья надо обломать» обведена в кружок, и на полях написано: «Это что значит?»;
- *—* фраза обведена в кружок, и на полях написано: «Кто такие?»;
- ** фамилии обведены в кружок, и на полях написано: «Где они?»;
- **—** фраза подчеркнута, и на полях написано: «Кто там?»;
- *** предложение подчеркнуто, и на полях написано: «Кто они?»;
- ***—*** фамилии обведены в кружок, и на полях написано «Где они?»;
- **** слова «расстреляны 26—27 августа» обведены в кружок, и на полях поставлен знак «хх»;
- ****—**** слово обведено в кружок, и на полях написано: «Какие другие?»;
- ***** предложение обведено в кружок, и на полях написано: «Сговорились? Врешь!»;
- *****—***** фамилия обведена в кружок, и в конце страницы написано: «Врешь!»